

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

ТОМ 1

Часть первая. Древний Восток

Глава 4. Закономерности формирования государства на Востоке

Власть и собственность: феномен власти-собственности

Сложившееся на основе земледельческой общины... протогосударство во многом восходит к нормам взаимоотношений и формам взаимосвязей, веками развивавшимся в рамках общины. Но на основе прежних норм и форм в новых условиях возникали институты иного, более совершенного и развитого типа, — они соответствовали укрупнявшейся и усложнявшейся социально-административной структуре протогосударства.

Что касается власти, то... восходившая к древнейшей и абсолютно преобладающей системе социальных ценностей триада *престиж — авторитет — власть* привела со временем к сложению авторитарного института наследственной власти сакрализованного вождя-царя в протогосударствах. На Востоке власть такого типа достаточно быстро... трансформировалась в деспотическую, хотя не везде одинаково ярко выраженную. Главной причиной этого было отсутствие здесь развитого рыночно-частнособственнического хозяйства... Деспотизм как форма власти, а если взглянуть глубже, то как генеральная структура общества, возникает там, где нет той самой частной собственности... Иными словами, деспотизм присущ структурам, где нет собственников. Но это те самые структуры, которые возникали на базе первобытности.

Во всех обществах, о которых выше уже шла речь, понятия о собственности вообще, тем более о частной собственности, просто не существовало. Специалисты, исследующие такие структуры, используют для их характеристики понятия «коллективная», «общинная», «племенная» собственность и т. п., сознавая всю условность этих понятий. Дело в том, что понятие о собственности в коллективах собирателей, кочевников или общинных земледельцев сводилось прежде всего к представлению о праве на ресурсы, которые считались принадлежавшими данной группе и использовались ее членами в процессе их хозяйственной деятельности. Собственно, иначе и быть не могло в те времена и в тех условиях жизни. Основа отношений к ресурсам, от обладания которыми зависело

существование коллектива, реализовывалась, таким образом, в терминах владения, то есть власти: «Мы владеем этим; это — наше». Субъектом власти, владения, распоряжения хозяйственными ресурсами или, если угодно, коллективной собственности всегда был и практически всегда мог быть только коллектив, причем этому никак не противоречило то обстоятельство, что всегда существовало индивидуальное и семейное пользование какой-то частью общего владения, не говоря уже о предметах обихода, жилище, личных вещах, орудиях производства и т. п. Это означает, что и экономическое содержание, и юридическая форма такого рода собственности — именно владение и, как результат владения, власть. Сначала власть только над ресурсами. Но это только сначала.

Выше уже рассматривался процесс сложения и развития института редистрибуции¹ в общине с ее ранними формами неравенства как на уровне семейно-клановой группы, так и в рамках коллектива с его рангово-статусной иерархией в целом. Редистрибуция — это в конечном счете прежде всего власть, причем именно та власть, которая опирается как на экономическую реальность (владение ресурсами группы или общины), так и на юридическую ее форму (право выступать от имени группы или общины, распоряжаться ее достоянием и особенно ее избыточным продуктом). В рамках надобщинной структуры протогосударства с наследственным вождем, ставшим символом коллектива, неоспоримое право распоряжаться общественным достоянием было функцией высшей власти вождя.

В свете сказанного вполне очевидно, что представление о верховной собственности государства и государя можно понимать только в том плане, о котором идет речь: высшая собственность правителя-символа, олицетворяющего коллектив, производна от реального владения достоянием коллектива и безусловного права распоряжаться его ресурсами и имуществом, причем и то и другое в конечном счете производно от власти. Власть (владение) рождает понятие и представление о собственности, собственность рождается как функция владения и власти. Власть и собственность неразделимы, нерасчленимы. Перед нами феномен власти-собственности.

Власть-собственность — это и есть альтернатива европейской античной, феодальной и буржуазной частной собственности в неевропейских структурах, причем это не столько собственность, сколько власть, так как функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, то есть к должности, но не к личности правителя. По наследству в этих структурах может быть передана должность с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не собственность как исключительное частное право владения вне зависимости от должности. Социально-экономической

¹ *Редистрибуция* — изъятие властью прибавочного продукта с целью его последующего натурального распределения.

основой власти-собственности государства и государя было священное право верхов на избыточный продукт производителей. Если прежде семейно-клановые группы вносили часть своего продукта в форме добровольных взносов старейшине в качестве скорей символической, нежели реальной платы за его общественно полезный труд, то теперь ситуация стала иной. В надобщинной структуре, в рамках протогосударства вождь имел бесспорное право на определенную часть продукта его подданных, причем взнос с политэкономической точки зрения принимал облик ренты-налога. Налога — потому что взимался центром для нужд структуры в целом, в частности для содержания непроизводительных слоев, обслуживающего их персонала или производителей, занятых в неземледельческой сфере (ремесло, промыслы и т. п.). Налог в этом смысле — высшее право государства как суверена на определенную долю дохода населения. Что же касается ренты, то она проявлялась в праве собственника, субъекта власти-собственности, на определенную долю реализации этой собственности в хозяйствах земледельцев-общинников.

Появление феномена власти-собственности было важным моментом на пути институционализации общества и государства в неевропейском мире. Практически это означало, что прежняя свободная община теряла свои исключительные права владения ее угодьями и продуктом. Теперь она вынуждена была делить эти права с теми, кто в силу причастности к власти мог претендовать на долю ее имущества, начиная от регионального вождя-администратора, будущего владетельного аристократа, которому верховный вождь передавал часть своих высших прерогатив, и кончая общинным главой, всё более превращавшимся в чиновника аппарата администрации. Иными словами, возникал и надолго закреплялся хорошо знакомый специалистам феномен перекрывающих друг друга владельческих прав: одна и та же земля (а точнее, право на продукт с нее) принадлежит и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий угодья старейшина, и региональному администратору, и верховному собственнику. И что показательно, эта множественность прав, столь нелепая в обществе с юридически хорошо разработанными частноправовыми нормами, здесь никого не смущает: коль скоро земля не является частной собственностью и принадлежит всем, то совершенно естественно, что каждый получает свою долю дохода от нее, причем в строгом соответствии с той долей владения ею, власти над ней, которой реально располагает. Вместе с тем важно оговориться, что в множественности прав уже таились зародыши некоторой трансформации прежней структуры, в частности тенденции к приватизации, то есть к появлению частной собственности...

Глава 13. Древний Восток: государство и общество

Формы ведения хозяйства

До начала процесса приватизации во всех ранних государствах и протогосударствах существовала лишь одна форма ведения хозяйства, которую можно было бы назвать общинно-государственной. Корни ее восходят по меньшей мере к неолитической революции (в некоторых отношениях уходят много глубже), а сущность вкратце сводится к тому, что коллектив производителей, земледельцев и скотоводов, традиционно относится к средствам производства и ресурсам как к своим, то есть владеет ими, тогда как распоряжается этим общим достоянием от имени коллектива его глава, от старшего в семье и клане или старейшины общины до племенного вождя и государя. В ранних государствах в зависимости от обстоятельств этот генеральный тип хозяйства варьирует, порождает ряд модификаций. Так, в Египте необходимость строгого регулирования сельскохозяйственного процесса уже на самом раннем этапе существования государства привела к тому, что общинная структура едва ли не полностью растворилась в централизованно-государственной, храмовой форме ведения хозяйства. В Индии, напротив, исторический ход развития, связанный с социально определяющей и регулирующей ролью варново-кастовой системы, вел к возникновению исключительно прочной и внутренне саморегулирующейся общины, автономное функционирование которой делало ненужным разветвленный аппарат администрации. Эти две модификации — своего рода крайность, полюса, между которыми находились все остальные, от шумерской до китайской, в которых обычно достаточно гармонично сочетались общинные формы хозяйства с государственными (в форме обработки больших казенных полей в Китае или храмовых земель на Ближнем Востоке). В целом, однако, речь идет именно о модификациях единой формы хозяйства.

Единство этой генеральной формы в том, что земледельцы имеют наследственно гарантированное право и обязанность обработки земли и использования нужных им ресурсов, от воды и пастбищ до леса, рыбы, дичи и т. п. В то же время право владения и распоряжения землей и ресурсами, постепенно трансформирующееся в право собственности (власти-собственности), находится в руках оторванного от производства пищи аппарата власти, от храма до государства. Материальным выражением признания этого права является выплата коллективом производителей избыточного продукта представителям власти. Эти выплаты могут иметь различную форму (труд представителей коллектива на общих полях или полях храма; выделение части или определенного фиксированного количества урожая; отработки типа трудовой повинности и т. п., вплоть до

казарменно-коммунистических структур), но в любом случае политэкономически представляют собой ренту-налог, за счет редистрибуции которой только и могло существовать неевропейское государство.

Выплаты в казну, то есть рента-налог во всех ее формах с последующей ее редистрибуцией, — это не только материальное выражение факта существования высшего права и генерального принципа власти-собственности, но также и та материальная основа, на которой существует и само государство как система институтов, и всё развитое общество, уже достаточно прочно базирующееся на основе постоянного обмена деятельностью, то есть общество, состоящее как из земледельцев, так и из ремесленников, жрецов, администраторов, воинов, необходимой сферы обслуживания (слуги и рабы) и т. п. Каждая из этих категорий лиц делает свое дело и необходима для нормального функционирования усложненного общества и государства. Каждая из них вносит свой вклад в существование такого общества и каждая получает за это необходимые средства для существования. И хотя и вклады, и средства зависят от степени значимости труда той или иной категории лиц, так что о равенстве внесенных вкладов и полученного взамен эквивалента речи нет (и по количеству, и по качеству труда люди в сколько-нибудь развитом обществе всегда различались, различаются и будут различаться), в то же время нет еще оснований говорить об эксплуатации одних другими. Речь пока идет только о взаимном обмене деятельностью и, можно добавить, взаимовыгодном для всех обмене, ибо в конечном счете гарантируется стабильность существования, что само по себе, как и духовный комфорт, стоит немало. Такой взаимообмен в рамках вынужденного сосуществования при исторически сложившейся форме хозяйства был необходим структуре в целом.

Процесс приватизации, в различных древних обществах протекавший по-разному и даже в разное время (в Шумере весьма рано, в Египте сравнительно поздно, в Индии достаточно вяло, в Китае весьма энергично), внес немало изменений в экономику. Наряду со старыми формами ведения хозяйства появились новые, принципиально иные, основанные на частной собственности и рыночном обмене, знакомые с товарно-денежными отношениями и способствовавшие обогащению отдельных лиц и групп населения. Речь идет о частной земельной аренде, наемном труде, о работе производителей, прежде всего ремесленников, на рынок и на заказ, о купле-продаже и игре на разнице цен, наконец, о ростовщичестве, долговой кабале и т. п. Здесь, в этой сфере хозяйства, всегда доминировал свой закон: имущий противостоит неимущему и использует его труд. Как же стали сочетаться и сосуществовать обе сферы, обе формы ведения хозяйства?

В принципе все происходило достаточно гармонично, хотя порой и по-разному, в зависимости от обстоятельств. Так, например, индийская община легко и безболезненно приспособилась к такому сосуществованию. Сочетание элементов частнособственнического хозяйства с традиционными

отношениями, освященными варново-кастовыми нормами, привело к формированию той весьма специфической внутриобщинной системы взаимных услуг, которая в науке получила наименование джаджмани². Приспособилась к новым условиям и традиционная китайская община, где аренда и найм стали привычной нормой, как, впрочем, и долговое рабство, ростовщичество. Болезненно шел процесс в ряде обществ Ближнего Востока, особенно в Египте. Но в конечном счете приспособились и они. К сказанному стоит добавить, что основной сферой новой формы хозяйства стал город — средоточие ремесла и торговли, место обитания богатых и знатных, особенно причастных к власти.

Дело в том, что процесс приватизации, приведший к формированию новых форм ведения хозяйства, едва ли не в первую очередь затронул социальные верхи, власть имущих. Эффект престижного потребления был мощным стимулом быстрого развития приватизации и связанных с ней форм личного обогащения, к чему верхи стремились в первую очередь. Не только весь избыточный продукт земледельцев стекался в города, где он после редистрибуции почти целиком и оставался. В городах концентрировался также и избыточный продукт ремесленников. Здесь же сооружались монументальные строения — плод тяжелого труда привлеченного к повинностям населения. Ну и, конечно, в городах оседала немалая доля того продукта и труда, который изымался в сфере частнособственнического хозяйства и шел в карманы богатеющих собственников — основная часть их тоже жила в городах. Как известно, многие из больших городов со временем превратились, как например Вавилон, в признанные центры мировой транзитной торговли, для обслуживания нужд которой там существовали многочисленные торговые дома, кредитные конторы и т. п.

Если говорить о более специфических формах ведения хозяйства в древневосточных обществах, то одной из них со временем (примерно со II тысячелетия до н. э.) стало кочевое скотоводство. Суть этой формы мало отличалась от земледельческой — те же формы владения и пользования, но не только землей, то есть пастбищами, или ресурсами, главным образом, источниками воды, но также и самим скотом. Однако существовала и жесткая специфика: кочевые общества были слаборазвитыми, находились в основном на стадии протогосударства и нуждались в постоянном взаимообмене продуктами с оседлыми. Этот последний важный фактор сыграл существенную роль в исторических событиях: вспомним массивные волны аравийских кочевников — амореев, арамеев и др., захлестывавшие время от времени очаги ближневосточной цивилизации.

² *Джаджмани* — система обслуживания членами разных каст друг друга в рамках определённой ограниченной территории. Благодаря этой системе обмена услугами представители каждой касты имели возможность избежать выполнения работ, считавшихся оскверняющими или недостойными их происхождения.

Впрочем, оседая, кочевники обычно быстро трансформировались в земледельцев, а их первоначальные зоны обитания занимали другие племена, за счет которых потенциально формировались новые волны.

Принципы социальной структуры

В результате сложения первых очагов урбанистической цивилизации и последующего достаточно быстрого процесса формирования протогосударств и ранних государств, укрупнения социальных организмов за счет усложнения их внутренней структуры появился новый тип общества...

Как свидетельствуют многие факты и как это сейчас уже практически признано специалистами, процесс генезиса социального, правового и имущественного неравенства был связан не с классовообразованием, а с политогенезом, то есть возникновением государства. Именно протогосударство и раннее государство со всеми его атрибутами (институт власти-собственности, рента-налог и централизованная редистрибуция и др.) не просто обслуживали все возрастающие и усложнявшиеся потребности цивилизующегося общества, но и способствовали формированию новых социальных слоев, то есть тех категорий и групп людей, которые призваны были выполнять те или иные социальные функции укрупнявшегося социального организма.

Что же представляли собой эти группы и категории людей, по какому принципу они формировались? Следует заметить, что критерии для их вычленения были разными. Здесь играли свою роль и место в процессе производства (земледельцы, ремесленники, руководители и организаторы различных форм коллективного труда), и характер деятельности (производители, администраторы, воины, жрецы, слуги-рабы), и отношение к системе налогообложения и редистрибуции (обязанность вносить налоги, право существовать за счет этих налогов), и некоторые другие моменты, в частности этноправовые (принадлежность к господствующему, союзному либо чуждому этносу). В наиболее четкой и доведенной до логического конца форме социальные слои формировавшегося государства нашли отражение в раннеиндийской системе варн с ее четырьмя основными разрядами:

- администраторы и воины;
- жрецы;
- производители;
- неполноправные и слуги-рабы.

Но примерно те же основные слои, пусть не в столь жестко очерченном виде, фиксируются и во всех остальных ранних древневосточных обществах, будь то Египет, Западная Азия или Китай.

Исторически наиболее ранним было определение социальных групп и

выделение социальных слоев в рамках данной этносоциальной общности на основе места в структуре власти, форм деятельности и способа получения средств для существования. Именно так обособлялись слои земледельцев и ремесленников, администраторов, жрецов и воинов. Обычно такого рода группы были замкнутыми наследственными корпорациями, в пределах которых опыт, навыки и тайны ремесла передавались от поколения к поколению, что, естественно, оттачивало мастерство специалистов. И далеко не случайно такая корпоративность привела индийцев к варнам. Но даже в древней Индии, как известно, некоторые правящие династии основывались шудрами. Это значит, что принадлежность к той или иной замкнутой корпорации по рождению не всегда и не при любых обстоятельствах определяла судьбу каждого человека. Существовали и определенная свобода воли, и игра случая, и даже — если не иметь в виду варновую Индию — общепризнанная социальная мобильность, базировавшаяся на столь свойственном первобытности принципе меритократии, обеспечивавшем продвижение наверх.

По мере развития первоначальных социальных структур и первичных протогосударств на только что описанную систему ранних социальных связей накладывалась еще одна, имевшая отношение к правовому статусу населения. Естественным и само собой разумеющимся было то, что все члены ранней этнической общности всегда считались полноправными: издревле понятия «свой» (в этническом смысле) и «полноправный» были синонимами. Иное дело — чужие. Это были потенциальные враги, бесправные рабы.

Раб — именно чужак, иноплеменник, чаще всего пленник, причем во многих древних языках это хорошо прослеживается этимологией самого термина. Как и любое иное добытое в бою или приобретенное иным способом на стороне имущество, движимое или недвижимое, рабы считались общим достоянием коллектива и использовались для его блага — будь то очистительная жертва с благодарностью за помощь богам либо предкам, работа на храмовых полях во имя тех же богов или, наконец, услужение тем, кто возглавляет коллектив и управляет им. Существенно подчеркнуть, что главное не в том, как использовали труд раба: вовсе не применяли его (убивали, приносили в жертву), использовали на тяжелых работах (рудники, каменоломни), на обычных работах или даже на весьма легких, порой даже суливших хорошие возможности для социального возвышения (сфера услуг, изредка и военное дело). Главным было то, что раб — это не свой, а чужой и именно в силу этого он бесправен, то есть не может претендовать на ту сумму прав, тот объем социальных гарантий, которые являются неотъемлемым достоянием всех своих просто потому, что они свои.

Со временем во многих древневосточных обществах наряду с полноправными — своими и бесправными — рабами появился и промежуточный слой неполноправных типа мушкенумов из законов Хаммурапи. К их числу принадлежали как потомки ассимилировавшихся на

чужбине рабов, обзаведшихся здесь семьей, некоторым имуществом, приобретших профессию, а то и земельный надел и некоторые связанные с ним права, так и выходцы из низших слоев местного населения, изгои и бродяги, незаконнорожденные (если иметь в виду строгие варново-кастовые нормы) и т. п. Тенденция социальной динамики этих неполноправных — будь то мушкенумы или шудры — отнюдь не вела, как то подчас изображалось в исторических сочинениях и особенно в учебниках, к сближению их с рабами. Напротив, она вела к дальнейшему постепенному повышению их статуса, как это видно на примере шудр. Стоит заметить в связи с этим, что тенденция такого же рода была характерна и вообще для рабов, чей статус со временем повышался, как о том только что было сказано. Именно поэтому, в частности, количество рабов почти не росло, оно увеличивалось практически только за счет нового притока иноплеменников-пленников и лишь в периоды активной внешней политики, после которых описываемые процессы адаптации бесправных и неполноправных приводили к постепенному сокращению числа тех и других.

На две перечисленные системы — ранних этногенных связей и правового неравенства гетерогенного в этническом плане населения данной социальной общности — со временем накладывалась и еще одна, третья. Речь идет о системе имущественного неравенства, но не того должностного, когда богатство было функцией должности, а неравенства, бывшего функцией процесса приватизации. После появления таких институтов, как частная договорная аренда, наемный труд, долговая кабала и даже рабство полноправных (юридически и социально всегда отличавшееся от рабства бесправных иноплеменников), в обществе возникает новая шкала важных социальных различий: каждый из традиционных слоев, включая и бесправных в недавнем прошлом рабов-иноплеменников, имел своих богачей и бедняков, своих долговых рабов, арендаторов, наемников и т. п. Разумеется, богатство было более типичным для полноправных, чем для бесправных, а бедность — для простолюдинов. Тем не менее и то, и другое встречалось на всех уровнях социально-юридической лестницы. В кабальное рабство случайно попадали и брахманы (правда, по отношению к ним хозяин обязан был проявлять внешние признаки почтения), а простолюдины порой оказывались богаче древнекитайских аристократов, даже князей. Что же касается рабов, то некоторые из них, как в Вавилоне, бывали владельцами богатых торгово-кредитных контор и ворочали, что называется, миллионами, оставаясь при этом рабами своих хозяев и уплачивая им регулярный и весьма высокий оброк-пекулий.

Итак, традиционный социальный слой, формальный юридический статус и реальное имущественное положение не только не совпадали, но, напротив, образовывали достаточно запутанную сеть сложной социальной структуры.

Государство и общество

Соответственно социальной структуре сложились и взаимоотношения между государством и обществом в целом. Если в Европе с античности государство способствовало процветанию господствующего класса, собственников, если там общество в лице частных собственников всегда отчетливо доминировало над государством, а государство было слугой общества и соответственно были построены все его институты, то вне Европы, на Востоке, дело обстояло иначе. Государство здесь никогда не было... надстройкой над социально-экономическими отношениями, сложившимися вне его и помимо него. Государство в лице причастных к власти социальных верхов не только выполняло функции господствующего класса («государство-класс»), но и было ведущим элементом базисной структуры общества. Если сказать жестче, оно абсолютно господствовало над обществом, подчинив его себе. Соответственно складывались институты такого государства и вся обслуживавшая его система идей и учреждений.

Подчиненное государству общество в различных восточных структурах выглядело по-разному. В Египте, например, общества почти не было вообще: оно было практически растворено в институтах всемогущего государства. В Китае голос его был слышен — как в форме идей, так и в виде определенных организаций. В Шумере и Вавилонии общество в целом и индивиды как часть его сумели отстоять даже некоторые формальные права, отраженные в системе законов. Наконец, в Индии общество в форме варн и каст, в виде классической индийской общины в некотором смысле даже выходило на передний план... Но отрицало ли это государство и ставило ли под сомнение его безусловное господство над обществом? Отнюдь. Государство везде абсолютно господствовало над обществом, включая и Индию, — нужно только оговориться, что речь идет не о данном конкретном государстве, сильном или слабом, но о государстве как системе институтов и высшей власти, как ведущем элементе в сложившейся системе отношений.

В ранний период, когда никаких признаков частной собственности еще не существовало, это господство не было заметным в силу того, что государство и общество тогда еще практически не были расчленены: государство было формой организации общества; выросшие на основе общественных должностей власть имущие, организованные в аппарат власти, вполне искренне считали себя и действительно были на службе общества, организованного в государство. С ростом престижного потребления и успехами процесса приватизации изменение общей ситуации проявилось, в частности, и в том, что государство в лице аппарата власти отделилось от общества и противопоставило себя ему, одновременно подчинив его себе.

Предоставленное в некотором смысле самому себе (правда, в небольшой степени, ибо государство по-прежнему оставалось системой институтов, возникших во имя самосохранения общества, его традиционной

структуры), общество стало заботиться о создании какой-то системы социальных корпораций, которые призваны были как заново организовать его членов в новой, более дробной форме, так и противостоять внешнему нажиму со стороны власти, произволу власть имущих. Частично этими корпорациями стали существовавшие издревле формы — семьи, кланы, общины, а частично возникли и новые — касты, цехи, секты. Некоторые из новых форм не только воспроизводили старые отношения зависимости младших и слабых от старшего и сильного, но и придали им некую новую сущность, поставив упомянутую и уходящую в глубокую историю клиентельную связь... как бы на новую основу имущественной зависимости от процветающего частного собственника, будь то богатый и причастный к власти аристократ либо влиятельный в общине богач-землевладелец.

Стоит заметить, что социальные корпорации были в интересах не только создавшего и усилившего их значимость общества, но также и государства, ибо они являли собой удобный рычаг для управления разросшейся социально-политической структурой. Чиновнику не было нужды вникать во внутренние дела каждой деревни, касты, цеха или секты — ему было достаточно наладить контакт с руководителем корпорации и через него управлять ею. По отношению же к обществу в целом и к государству каждая из корпораций (а их было немало, сферы их влияния могли пересекаться и совпадать, а человек мог принадлежать параллельно нескольким из них — клану, общине, секте) являла собой автономную ячейку, обладавшую известным самоуправлением.

Сложившаяся в качестве элемента метаструктуры восточных обществ система корпораций гармонично вписалась в нее и во многом определила линии генеральных связей и противоречий, характерных для цивилизаций Востока. В Индии ведущей формой были касты и общины, в Китае — семьи, кланы, землячества и секты, на Ближнем Востоке — общины, семьи, кланы. Социальные корпорации были известны и Европе. Но там они играли несколько иную роль, ибо на передний план выступали личные интересы, что было связано с господством частнособственнических отношений. На Востоке же, при отсутствии условий для расцвета индивидуализма частного собственника, горизонтальные связи потенциальных союзников по классу с лихвой перекрывались связями вертикальными, корпоративными, клиентельными. Члены касты, общины, секты, клана, цехо-гильдии либо просто группа зависимых от влиятельного и богатого человека его клиентов обычно сплачивались в единую, хорошо и жестко организованную корпорацию, порой имевшую не только всеми признанное руководство, но и устав, дисциплинарный кодекс, систему обязательных норм поведения. Бедняки и богачи, бесправные и полноправные, производители и управители, воины и жрецы — все находили свое место на иерархической лестнице внутри корпорации, а для внешнего мира все они вместе, несмотря на разделявшее их неравенство, выступали

обычно как единый сплоченный коллектив, отражавший в конечном счете — причем вполне реально, на деле, а не только на словах либо в форме лозунгов — интересы всех его членов, олицетворенные позицией и акциями его руководителей. Корпорация нередко была как бы микросообществом, и в этой связи нелишне напомнить тезис Конфуция о том, что государство — это в конечном счете лишь большая семья.

Только в рядах корпорации отдельный человек мог чувствовать себя в относительной безопасности, что ощущали прежде всего собственники, которых не спасали от экспроприаций и притеснений порой даже сильные корпоративные связи и поддержка многочисленных клиентов. Поэтому в условиях отсутствия гражданского общества для подавляющего большинства населения корпорация была определенной гарантией от произвола, защитой нормального существования. Без нее же, вне ее индивид обычно превращался в социальный ноль и чаще всего скатывался на дно общества, пополняя собой ряды неполноправных и бесправных.

Известно, что на Востоке, несмотря порой на существование сводов законов, а точнее, собраний правительственных регламентов, никогда не было системы частного права, игравшей столь важную роль в Европе со времен античности, и соответствующих частноправовых гарантий собственника, тем более гражданина (граждан в этом смысле Восток вообще не знал). Законы всегда писались от имени государства и во имя его интересов. Конечно, это не значит, что законы вовсе не охраняли имущество и права подданных. Но системы гарантий, которая позволила бы любому считать себя социальной единицей и тем более беспрепятственно, без страха за будущее заниматься предпринимательской деятельностью наподобие античного гражданина или средневекового купца в феодальном европейском городе, — такой системы не было. Контрольные же функции чиновника, всегда стоявшего на страже интересов казны и хорошо сознававшего, что та часть избыточного продукта, которая попала в карман собственника, может считаться как бы вынутой из казны, за счет которой жил и он сам, ставили этого собственника в зависимое от власти положение, порой доходившее до произвола, вымогательства, прямых экспроприаций.

Отсутствие системы частноправовых гарантий вело к тому, что только причастность к власти предоставляла человеку более или менее высокий и сравнительно независимый (от начальства он всегда зависел) статус. Богатство могло помочь достижению такой позиции: можно было купить ранг, добиться должности, вступить в родственные отношения с властью имущим посредством брачных связей. Играла свою роль и знатность, принадлежность к определенной касте, духовным званиям и жреческим функциям. Наконец, мог выручить случай — особенно это касалось военных или удачливых слуг. Но только и именно достигнутая в результате всего этого, равно как и любым другим способом, причастность к власти могла дать индивиду высокое и общепризнанное социальное положение, в том

числе и широкие возможности обзавестись имуществом, стать крупным землевладельцем и даже оказаться процветающим частным собственником.

Дело в том, что между двумя описанными выше сферами и формами ведения хозяйства никогда не было непреодолимой грани — грань эту мы вынуждены проводить только в интересах теоретического анализа. В реальной же жизни все богатые, и едва ли не в первую очередь власть имущие, начиная с самого правителя, довольно активно использовали свое привилегированное положение и свои щедрые доли в системе редистрибуции для приобретения частной собственности. В ближневосточных текстах, в частности, можно встретить документы о приобретении правителем у какой-либо из подчиненных ему общин определенного участка земли для владения им на правах частной собственности — обстоятельство, которое ни в коей мере не ставит под сомнение высокий официальный статус этого правителя в качестве высшего субъекта власти-собственности в этом государстве. Что касается представителей администрации рангом ниже, то для них такое было еще более характерным: многие из их числа стремились воспользоваться своим положением для обогащения подобным образом. Но что характерно и весьма важно: частная собственность для каждого из причастных к власти всегда при этом была и оставалась делом как бы факультативным, не более того.

Переплетение интересов индивида как собственника и как причастного к власти никогда не вело к выдвиганию на передний план частных интересов, как то может показаться само собой разумеющимся для наблюдателя, привыкшего к европейской системе ценностей с ее бесспорным приоритетом личного, индивидуального начала. Напротив, каждый причастный к власти хорошо понимал, что своим высоким положением он обязан именно своей должности, благодаря которой он стал собственником и без которой, даже обладая собственностью, он значил бы весьма немного и даже легко мог бы потерять все. Поэтому каждый причастный к власти всегда отчетливо сознавал, сколь многое значит для него должность. Что же касается интересов обладателей должности, то есть аппарата в целом, государства, то они совершенно очевидны: не следует поощрять чересчур энергичное развитие частнособственнического сектора, так как это наносит ущерб казне и тем самым подрывает основу, на которой зиждится структура в целом во главе с тем же самым аппаратом. Поэтому интересы государства тесно переплетались с интересами личности как представителя аппарата и решительно преобладали над интересами этой же личности как собственника, даже если речь идет о самом высокопоставленном должностном лице.

Глава 14. Древний Восток: специфика регионов и динамика исторического процесса

Консервативная стабильность

Для неевропейских, и в частности, древневосточных структур с характерным для них второстепенным и подчиненным положением частного собственника и всесилием государства, господством аппарата власти главным было стремление к внутренней устойчивости и явно отрицательное отношение к любым переменам и нововведениям. Это и понятно: новые силы и тенденции вполне очевидно угрожали нормальному существованию устоявшейся структуры, подрывали эффективность традиционной политической администрации. Конечно, приватизация и связанные с ней рынок, система товарно-денежных отношений оживили экономику ранних восточных обществ, создали определенную перспективу, без которой восточные государства и общества не смогли бы сделать необходимого шага для их поступательного развития, для возникновения на основе ранних государств и обществ более развитых, для создания империй. Но при всем том несомненно одно: рыночная экономика была чем-то вроде выпущенного из бутылки джинна. С ней следовало держать ухо востро. Она грозила подрывом устоявшихся норм консервативной стабильности, а ведь именно стабильность является наибольшей гарантией существования традиционных восточных структур. Неудивительно поэтому, что повсюду, где товарно-денежные рыночные отношения и частнособственническая активность приобретали заметные размеры и начинали активно воздействовать на общество, государство рано или поздно вмешивалось в сложившуюся ситуацию и решительными административными мерами изменяло ее в свою пользу. Меры, о которых идет речь, могли быть весьма разными, от включения в текст законов Хаммурапи группы статей, ограничивающих продажу земельных наделов воинами, до широкомасштабной кампании Шан Яна против стяжателей. Но суть их всегда и везде на Востоке была одна: частный собственник должен находиться под строгим контролем власти, дабы структура в целом оставалась консервативно стабильной.

Консерватизм такого рода структуры не означал полного неприятия любых новаций. Те из них, которые не представляли угрозы для нее, после их апробации адаптировались, причем за их счет структура становилась более гибкой и жизнеспособной. Но решительно отменялись как раз такие новшества, которые могли быть в пользу собственника, то есть именно те, что двигали вперед европейскую историю. В первую очередь это касалось всех тех институтов, которые могли бы способствовать укреплению статуса собственника, выработке системы его правовых гарантий, каких-либо демократических процедур и т. п. Ведь они не случайно не появились вне

Европы: их не было там именно потому, что им не было там места и их отвергала структура, видевшая в них, и совершенно справедливо, угрозу для себя, для своей стабильности. Консервативная традиция во всех восточных обществах со временем стала естественной и весьма эффективной альтернативой европейской динамике, основанной на новациях. На Востоке исторический процесс — как и вообще отношение к времени — не воспринимался в качестве линейного, а консервативная стабильность реально превратила его в циклический.

Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Рано или поздно, по тем или иным причинам центральная власть приходит в упадок. Начинается более или менее длительный переходный период, который чаще всего отмечен острыми социальными и экономическими кризисами, политической неустойчивостью и в конечном счете децентрализацией. Все это, вместе взятое, ведет к дестабилизации структуры. Каков же характер воздействия на структуру дестабилизирующих ее факторов? Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового?

Ни в коем случае. Как показывает анализ исторического процесса, ...от политики децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость и в случае длительности переходного периода превращаются через ряд поколений в фактически самостоятельных удельных аристократов, подчас во владельцев феодальных по типу вотчин. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не привносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы.

Конечно, это не значит, что в недрах более мелких образований не могут протекать серьезные внутренние процессы, принципиально влекшие за собой некоторые существенные перемены, как то было, в частности, в чжоуском Китае. Но ведь такие же процессы и с тем же конечным результатом могли протекать и реально протекали и в периоды активной централизованной администрации в рамках крупных политических общностей (речь идет в первую очередь о процессе приватизации). Другими словами, политическая децентрализация, как и феодализация, сама по себе в условиях восточных обществ не рождает новых социальных тенденций, так что дестабилизация в этом случае сводится лишь к политическому ослаблению, к развалу государства на части. Рано или поздно

децентрализация преодолевается за счет действия центростремительных факторов, и на смену феодальным княжествам или децентрализованным региональным объединениям типа номов вновь приходит эффективная центральная власть, которую возглавляет либо один из усилившихся региональных вождей, либо удачливый завоеватель (изредка, как в Китае, это мог быть и предводитель крестьянского восстания).

Социальный и экономический кризисы, протекавшие в рамках цикла, могли бы, казалось, вести к более серьезной внутренней стабилизации, особенно тогда, когда процесс приватизации уже завершился и частный собственник занял в структуре свое прочное, пусть и контролируемое властью место. Однако на практике ничего подобного никогда не происходило. Почему же?

Дело в том, что, вызывая дестабилизацию или способствуя ей (рост частнозависимых сокращает доходы казны и ведет к усилению произвола недополучивших жалованье чиновников на местах; отсюда ухудшение положения производителей, бегство и сопротивление их), частнособственнический сектор экономики при этом сам оказывается в очень невыгодном для себя положении: в обстановке децентрализации и неэффективной администрации отпадают последние административные гарантии, а богатого собственника в первую очередь грабят ушедшие в шайки разоренные бедняки и бродяги. Естественно, что в таких условиях не приходится говорить о новых тенденциях в социально-экономическом развитии. Как это ни парадоксально, но частный сектор на Востоке заинтересован именно в сильной, пусть и ограничивающей его власти, ибо только она предоставляет ему сколько-нибудь гарантированные возможности для существования. Иными словами, даже собственник в рамках традиционной восточной структуры определенно тяготеет ко все той же консервативной стабильности.

Динамика исторического процесса

Итак, в основе исторического процесса на традиционном Востоке с древности лежало отчетливо выраженное стремление к консервативной стабильности. Естественно, это оказало огромное воздействие на динамику процесса. Если в Европе это было движение от низшего к высшему, от отсталого к передовому, то есть линейная динамика прогресса, то на Востоке альтернативой ей оказалось цикличное развитие. Но значит ли это, что мы имеем дело лишь с замкнутыми и повторяющимися циклами? Не вернее ли говорить о спирали, пусть туго сжатой, с налегающими друг на друга витками? А если так, то чем же отличались витки один от другого? И что видится в конце спирали?

Вопросы не просты, и от исчерпывающего ответа на них пока стоит воздержаться. Одно несомненно: Восток не стоял на месте. Пусть медленно,

но он эволюционировал; пусть с реверсиями, но в конечном счете развивался поступательно. И все же динамика его эволюции была принципиально иной. Разница здесь не только в том, что развитие было не линейным, а циклическим (пусть даже циклично-поступательным) и что структура сама отвергала те инновации, которые могли бы угрожать ее консервативной стабильности, ее стремлению к самосохранению, к гомеостазису. Есть и еще один существенный аспект различий, тоже тесно связанный с особенностями структуры.

Если в Европе двигателем прогресса и активным сторонником инноваций был индивид, гражданин-собственник, то в неевропейских и прежде всего древневосточных структурах отбирались и адаптировались лишь те новшества, которые имели прямо противоположный характер, то есть соответствовали нормам корпоративной этики и интересам государства. Это были в первую очередь нововведения, направленные на укрепление эффективности власти... или на ослабление общественных связей (реформы Шан Яна с его классической формулой: «Слабый народ — сильное государство!»). Это же касается и внутреннего духа религиозно-философских учений: конфуцианство в Китае и индуизм в Индии, вытеснивший буддизм, были нововведениями, в немалой степени способствовавшими усилению корпоративного коллективизма и подавлению (коль скоро они могли возникнуть) индивидуалистических тенденций.

Отчетливой тенденцией циклично-поступательной динамики исторического процесса следует считать и укрупнение политических общностей: от локальных протогосударств к более крупным региональным ранним государствам, от них — к развитым централизованным государствам, от централизованных этнически гомогенных к этнически гетерогенным супергосударствам, империям, «мировым державам». В ходе этого более количественного, хотя в некотором смысле также и качественного изменения в орбиту государств и империй втягивались многие отсталые периферийные страны и народы, то есть ойкумена всё время расширялась за счет приобщения к достижениям цивилизации новых первобытных образований.

Динамика исторического процесса видна и в изменении взаимоотношений в рамках гигантских суперструктур. По мере превращения этнической гетерогенности в норму исчезали столь важные ранее традиционные представления о кардинальной противоположности «своих» и «чужих», а это на практике означало, что рабство иноплеменников утрачивало свою первоначальную роль. Захваченные в плен, скажем, персидскими Ахеменидами уже не превращались в рабов, во всяком случае поголовно. Да и вообще рабы-иноплеменники играли всё меньшую роль в обществе... Впрочем, общее количество рабов от этого не изменялось сколько-нибудь заметно, ибо рабами после этого все чаще становились кабальные должники, преступники.

Наконец, развивалось и общество, раскрывался его духовный и

интеллектуальный потенциал, что находило свое отражение в разработке научных знаний (математика, календарь, астрономия), в технических усовершенствованиях, философских учениях, религиозных системах, не говоря уже о практических навыках в земледелии и ремеслах, опирающейся на многовековой опыт и постоянно совершенствовавшейся культуре труда, включая агрокультуру, ремесленную специализацию, строительное искусство и многое другое.

Резюмируя, можно сказать, что древневосточные общества с точки зрения поступательного исторического процесса отнюдь не стояли на месте, так что метафора с развитием по спирали, учитывая циклический характер исторического процесса, здесь вполне уместна. Но динамика исторического процесса на традиционном Востоке не только не была линейно-прогрессивной, но, напротив, отличалась тем, что не вела к радикальным структурным переменам. К этому сводится главная ее особенность. Впрочем, исторический процесс, при всей его однотипности для всего Востока, был различным применительно к каждому из крупных регионов, восходящих к великим очагам древневосточной цивилизации.

Специфика региональных очагов цивилизации

Слово «цивилизация» весьма емкое. Прежде всего этот термин используется для обозначения того культурного уровня, достижение которого означало выход первобытных коллективов на рубежи урбанистической культуры. Древний Восток знает четыре основных очага такого типа первичной цивилизации: Египет, Двуречье, Индия и Китай. Но каждый из них тоже правомерно именовать цивилизацией, вкладывая в это слово уже несколько иной смысл, имея в виду специфический, отличный от других именно в цивилизационном плане очаг урбанистической культуры. Не слишком углубляясь в терминологические дебри, будем пользоваться обоими значениями слова.

Итак, четыре основных очага. Для сопоставительного анализа целесообразно ограничиться именно ими, причем для начала выделить и противопоставить остальным трем Двуречье и даже шире — Западную Азию, эту подлинную колыбель мировой цивилизации. Именно из этого региона шел наиболее интенсивный поток культурных импульсов, способствовавших резкому ускорению развития остальной части человечества. Что касается других трех центров, то для них была характерна заметная замкнутость, а порой и значительная изоляция, и это во многом определило специфику каждого из них.

Западная Азия и в первую очередь Двуречье, долина Тигра и Евфрата, в низовьях которой возникла шумерская цивилизация, всегда была открыта внешним влияниям и воздействиям и умела извлекать из всего этого несомненную пользу для себя. Сюда стремились и здесь укоренялись

многочисленные этнические группы, постоянно смешивавшиеся друг с другом. Отсюда открывались торговые пути во все стороны. Здесь был мощный генератор новых идей и технологических новшеств. Нет сомнения, что все это сыграло важную роль в деле ускорения темпов развития: уровень консервативной стабильности, то есть устойчивой нормы с регенерацией генетически закодированной структуры, в этом регионе был ниже среднего для неевропейских обществ, а коэффициент перемен, нововведений во всех сферах жизни — будь то политическая, социальная, экономическая, технологическая, религиозно-культурная и др. — соответственно выше. Кроме того, неизменное расширение на протяжении тысячелетий зоны западноазиатского очага цивилизации за счет включения в него новых периферийных районов, населенных иными народами, равно как и появление здесь выходцев из Аравии (кочевников и полукочевых семитских племенных групп) или Прикаспия (индоевропейцев) способствовали быстрому экономическому, техническому и культурному развитию региона в целом и всех его древних центров в частности.

Неудивительно, что именно в Западной Азии, чья цивилизация не только возникла раньше других, но и развивалась быстрее и энергичнее их, имела более выгодные условия для такого развития вследствие постоянных контактов с соседями и обмена нововведениями, чаще, нежели в других древних очагах мировой культуры, возникали новые идеи и совершались важные открытия едва ли не во всех областях производства и культуры. Гончарный круг и колесо, металлургия бронзы и железа, боевая колесница как принципиально новое средство ведения войн, различные формы письма, от пиктограмм до алфавита, — всё это и многое другое генетически восходит именно к Западной Азии, через посредство народов которой нововведения со временем становились известными в остальном мире, включая и иные очаги первичной цивилизации.

Ускоренные темпы эволюции и технического прогресса сыграли свою роль в том, что именно в государствах Двуречья ранее всего дал знать о себе процесс приватизации, что именно в Западной Азии этот процесс достиг наивысшего для древневосточных обществ уровня и что в результате этого здесь сложились те исключительные варианты структуры (Финикия, Вавилон), в которых степень частнособственнической активности намного вышла за пределы обычной для неевропейских обществ нормы. Финикийцы не были абсолютно независимой и автономной структурой; напротив, они ухитрились благополучно существовать и даже процветать лишь под покровительством все тех же восточных держав, которые по ряду причин были заинтересованы в существовании финикийского феномена и, во всяком случае, не препятствовали ему. Высокие темпы приватизации и развития общества Вавилонии вызвали к жизни исключительные в своем роде и до известной степени защищавшие частнособственническую активность правовые нормы типа законов Хаммурапи. И хотя те же законы с гораздо

большой силой ограничивали произвол собственника в интересах государства, они сыграли определенную роль в том, что именно в Западной Азии централизованная администрация была вынуждена в большей степени, чем где-либо, считаться с частными собственниками. Да и сама эта администрация, временами опиравшаяся на серьезную силу, отличалась не слишком большой степенью сакрализации: хотя правители Западной Азии нередко обожествлялись, уровень их обожествления был в целом намного ниже того, что был характерен для Египта или Китая.

Все эти особенности, да еще в сочетании с политическим полицентризмом и этнической мозаикой древней Западной Азии, обусловили не только сравнительную неустойчивость здесь централизованной администрации, но и явственную тенденцию к частой смене политически господствующих этносов, а затем и «мировых» держав. И это тоже один из важных показателей более низкого уровня консервативной стабильности Западной Азии и большей открытости ее для изменений. <...>

Что касается Египта и Китая, то эти две цивилизации, несмотря на их отдаленность друг от друга, весьма близки между собой. В силу ряда существенных причин, к числу которых следует отнести большую этническую гомогенность, исторически сложившуюся и устойчивую тенденцию к слиянию политико-административной власти с религиозно-этическим авторитетом, да и еще ряд важных факторов, государство здесь было много более устойчивым, чем в Западной Азии (об Индии речь пойдет особо). Политическая администрация была незыблемой и, главное, почти автоматически регенерировала после катаклизмов очередного цикла, а величие обожествленного правителя (сына Неба или сына Солнца), выступавшего в функции связующего единства и первосвященника, считалось несомненным и неоспоримым.

Соответственно очень большую роль в Египте и Китае играли отношения централизованной редистрибуции и тотальный контроль над населением, с массовым привлечением его к исполнению многочисленных и тяжелых трудовых повинностей. И наоборот, частнособственническая активность была существенно ограничена и находилась под строгим надзором властей, не говоря уже о том, что вся правовая система — точнее, официально фиксированная система правительственных регламентаций — была отчетливо сориентирована на защиту интересов всемогущего государства. Общая для обеих цивилизаций едва ли не центральная фигура жреца-чиновника различалась лишь акцентом: в Египте он был на слове «жрец», а в Китае — на слове «чиновник». Это маловажное на первый взгляд различие было, однако, весьма существенным. В Египте акцент вел к противопоставлению интересов храма центральной власти, что в итоге привело к сакрализации сословия жрецов, тогда как в Китае противоположный акцент, в сочетании с общей тенденцией примата этики над религией, вел к оттеснению собственно ритуально-религиозных функций

на задний план в пользу усиления чиновничье-бюрократической администрации.

Конечно, между Египтом и Китаем были и иные различия, особенно в сложившейся системе ценностей, образе жизни, формах социальной организации населения и т. п. Однако в рамках сопоставительного анализа важно обратить внимание на то, что, несмотря на совершенно очевидную уникальность каждой из сравниваемых цивилизаций, между ними было много общего, причем это общее весьма объяснимо и с точки зрения функционально-структурной, и с позиций условий первоначального существования египетского и китайского очагов цивилизации.

Древняя Индия

С этих, да и с некоторых иных точек зрения особого внимания при сопоставительном анализе заслуживает Индия. В чем-то индийский очаг цивилизации вполне сходен с другими. С западноазиатским его сближает большая роль внешних воздействий: та цивилизация, которая наложила основной отпечаток на судьбы Индии, сложилась в результате миграции ариев, то есть в конечном счете западноазиатского народа, одного из тех, что внесли немалый вклад в развитие западноазиатского очага цивилизации <...> Арийские волны принесли в древнюю Индию очень многое из того, чем к тому времени уже обладала западноазиатская культура, а с древними иранцами индийские арии были даже близкими родственниками.

Есть и нечто общее у Индии с египетским и китайским очагами цивилизации — относительная замкнутость и изолированность, явная тенденция к устойчивой консервативной стабильности. Больше того, эта тенденция в условиях миграции и завоевания чужих земель, отеснения аборигенов и нежелания этнически смешиваться с ними (обстоятельство, совершенно чуждое и Западной Азии, и Китаю, практически незнакомое и Египту) привела к гипертрофированию упомянутой стабильности, что и нашло свое отражение в возникновении и со временем все большем укреплении системы варн, а затем и каст.

Но есть между Индией и другими очагами древней цивилизации и существенное, в некотором смысле кардинальное различие: для всей истории Индии с прихода туда ариев и вплоть до вторжения в нее воинов ислама характерны слабая политическая власть, неустойчивое государство, аморфная политико-административная структура. Неустойчивость государства была — в отличие от Египта и Китая — свойственна и западноазиатским древним обществам, о чем только что упоминалось. Но по сравнению с Индией эту власть можно было бы считать вполне устойчивой — все познается в сравнении. Встает законный вопрос: почему государственная власть в древней Индии оказалась столь слабой <...>?

Сначала о причинах. Следует предположить, что приход индоариев в

долину Ганга в сравнительно позднее время (ориентировочно — вторая половина II тысячелетия до н. э.) и, видимо, появление их в этой долине волнами, накладывавшимися одна на другую, создали в Северной Индии уникальную этническую ситуацию. Ариев оказалось достаточно много для того, чтобы, не вступая в тесный контакт с аборигенным населением, создать и социально укрепить собственную этнополитическую общность. Кроме того, арии прибывали в Индию в то время, когда сами они переживали этап ранней политической интеграции и когда в их среде только начинали вычленяться различные социальные группы — производители, управители и воины, жрецы. Ранние протогосударства индоариев в долине Ганга были еще недостаточно прочными, что вполне естественно для полускотоводческого мигрирующего этноса. Зато слой жрецов-брахманов был крепок прежде всего потому, что религиозные нормы служили в описываемое время едва ли не единственным прочным связующим всех пришельцев звеном. Территориально и политически все они, как известно, в то время еще недостаточно были связаны друг с другом, быть может, даже являли собой весьма рыхлую общность, близкую к тем, которые скрепляются механической солидарностью в условиях внешней опасности.

Приняв во внимание сказанное, следует предположить, что спаянные основанной на религиозно-культурной традиции солидарностью индоарии на новых местах выше всего ценили свое этническое лицо, тогда как политической структуры у них еще не было или почти не было. Спасти же этническое лицо можно было только ужесточением этнической стерильности, что и привело к нерушимой системе варн и каст. Арии, осевшие в Индии и превратившиеся в оседлых земледельцев, стали жить общинами, причем эта новая для них форма территориальной и социальной организации — земледельческая община — была подчинена варново-кастовой системе и сочетала этносоциальные различия с территориальной и административно-социальной общностью.

О ранних политических структурах индоариев до начала I тысячелетия до н. э. никаких сведений нет. Весьма вероятно, что этих структур в то время еще не было или почти не было, из чего можно сделать вывод, что внешние импульсы, то есть необычные условия, в которых начался процесс оседания ариев и становления форм их социального бытия (варны, касты, земледельческие общины), до предела снизили ту роль, которую в других регионах играло протогосударство как форма организации общества. Если у индоариев ведущими формами организации общества оказались иные, то не приходится удивляться, что государство здесь как бы лишилось некоторых из своих важных функций, оказавшись вследствие этого, по крайней мере на первых порах, чем-то необязательным, почти факультативным. <...>

Означает ли все сказанное, что применительно к Индии тезис о ведущей роли государства не применим? Отнюдь нет. Важно лишь понять, какую именно роль играло индийское государство и как функционировало

оно в индийских условиях. Индийские формы организации общества — варны, касты, общины — существовали со времен догосударственных; доминировали в обществе прежде всего жрецы-брахманы. Всесилие брахманов, формально не связанных с политической властью, но зато игравших важнейшую роль носителей духовной культуры индоариев и потому бывших своего рода связующим единством в их среде, длительное время могло быть реальной альтернативой всесилию государства, политической власти, которые еще не сложились. Однако усложнение общества, увеличение численности населения, важность противостояния внешнему, часто враждебному окружению — все это властно диктовало необходимость укрепления политической власти, институционализации внеобщинной администрации, создания государств. И государства создавались, причем правителями их, чиновниками и воинами становились представители варны кшатриев, которые по мере укрепления своих позиций в обществе начинали соперничать с брахманами.

Соперничество брахманов с кшатриями проходит через всю древнюю Индию и завершается в общем не в пользу кшатриев. Конечно, кшатрии стояли у руля правления государств. Их представители пытались даже создать альтернативные религии — буддизм и джайнизм были созданы именно ими в противовес откровенно варново-кастовому древнему брахманизму. Но в конечном счете ни буддизм, ни джайнизм не завоевали прочных позиций среди индийцев, которые предпочли этим доктринам трансформировавшийся в индуизм древний брахманизм во главе со все теми же брахманами, носителями древней мудрости, традиционной религиозной культуры. А государство оказалось как бы вне традиционного индийского общества.

Дело в том, что традиционные формы организации индийского общества (варна, каста, община), санкционированные религиозно-культурными нормами, практически не зависели от существования государства. Основные функции и заботы по воспроизводству структуры в неизменном виде и по сохранению привычной нормы в Индии с плеч государства были переложены на плечи общества. Но эта важная трансформация не привела ни к возвышению общества над государством, ни к какому-либо преимущественному развитию социальных институтов. Как и везде на Востоке, над традиционным индийским обществом прочно встало государство с его обычными институтами — властью-собственностью, рентой-налогом и централизованной редиистрибуцией этой ренты. Община производила и платила ренту-налог государству. Государство существовало за счет этой ренты-налога, редиистрибуция которой предоставляла содержание всем тем жившим вне общины социальным группам, существование которых было необходимо для нормального функционирования усложненной структуры в целом. Здесь, как и в других древневосточных обществах, реализовывался все тот же обмен общественно

необходимой деятельностью, развивалось престижное потребление верхов, шел процесс приватизации и формировались различные категории собственников. Иными словами, государство было таким же, как и в других восточных обществах, — таким же по своим основным функциям, по механизму взаимодействия, по целям и формам существования.

Но вместе с тем традиционное индийское государство именно в силу необычайной крепости форм организации индийского общества и автоматического воспроизводства этих форм не было столь важным и жизненно необходимым для общества, как в других случаях. Образно говоря, индийское общество могло бы и не заметить, если бы государство исчезло вовсе, разве что некому было бы посылать ренту-налог, — тогда как во всех остальных древневосточных структурах не только гибель, но и ослабление государства влекли за собой кризисные явления, болезненно отражавшиеся на всем обществе. В реальности, разумеется, государство не исчезало. Просто крушение одной политической структуры неизменно влекло за собой появление на ее месте другой или других. Новые государства здесь появлялись с завидной легкостью, практически без затяжных войн и тем более всенародного сопротивления. Но зато все эти государства всегда были неустойчивыми, слабыми и обычно долго не существовали. Вместе с тем они были все теми же государствами, что и на всем Востоке: каждое из них олицетворяло высшую власть-собственность, было верховным редиистрибутором, то есть собирало ренту-налог и одержало за ее счет стоявшие над обществом слои населения, обслуживавшие государство.